

РЕЦЕНЗИИ

Асташов, А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность / А. Б. Асташов. – М. : Новый хронограф, 2014. – 740 с. – (Российское общество. Современные исследования).

В год 100-летия с начала Первой мировой войны выяснилось, как мало мы знаем о трагическом опыте, вынесенном из нее российским обществом в целом и отдельными участниками в частности. Не последнюю роль здесь сыграло то, что попытки рефлексии современников и обобщающие научные труды создавались уже в ситуации «раскола» на белых и красных, советских граждан и эмигрантов – представителей Русского зарубежья. К тому же для многих из них опыт революции, Гражданской и Второй мировой войн несколько затмил предыдущие годы.

Монография А. Б. Асташова основана на обширном архивном материале, который в подавляющем большинстве случаев впервые вводится историком в научный оборот. Это главным образом документы РГВИА, ГА РФ, РГИА, ОР РГБ, Отдела рукописей Государственного музея истории религий, РГВА, РГАЛИ, АВПРИ. В значительно меньшей степени автор использовал опубликованные воспоминания участников войны.

Исследователь неоднократно оговаривается в тексте, что целый ряд затронутых им сюжетов требует дальнейшего изучения. Это, к сожалению, верно для отечественной историографии. Между тем в Европе тема человека на Первой мировой войне достаточно подробно рассматривалась в самых разных плоскостях – от исследований историков и психологов до философских работ. Таким образом, книга Асташова в определенной мере заполняет существующий пробел и может дать импульс для дальнейших исследований.

Автор подробно описывает специфику проведения мобилизации, состав и довоенный социальный опыт мобилизованных, организацию пространства на Русском фронте, выявляет мотивацию борьбы солдата-крестьянина и его отношение к войне нового типа. Обращаясь к социологическим данным, Асташов показывает читателю, что же представляла собой «в цифрах» самая большая из армий всех стран, участвующих в войне. При этом отмечается ряд объективных трудностей, связанных с установлением числа погибших, раненых, пленных. Указывая на традиционно-крестьянский характер армии, автор полагает, что «вопрос о борьбе традиций и современности в русском крестьянстве приобрел решающее значение именно в годы Первой мировой войны», превратившей в солдат массы необученных и молодых (средний возраст 21,5 года) крестьян (с. 32–33, 52, 55) с присущим им менталитетом. Война привела к столкновениям традиции и модернизации во всех сферах жизни. Специфика бытовых условий, в которых войска находились на фронте, сильнейшим образом сказывалась не только на физическом здоровье, санитарии, но и на психологическом состоянии людей. Позиционный характер войны, протяженность и глубина Русского фронта, его снабжение и взаимодействие с тылом – все это имело не только сугубо военное значение. Подавляла психологически оснащенность немецкой армии новейшими техни-

ческими достижениями: от авиации, химического оружия и снарядов до отсутствовавших у русских машин, выкачивающих воду из окопов (с. 258–259). Последнее из вышеназванного вовсе не мелочь, поскольку осенью вода заливала окопы, а зимой замерзала, «и тогда глубина окопа уменьшалась до того, что в нем можно было только сидеть или даже лежать» (с. 89). В цитируемых на страницах монографии отзывах русских солдат заметно удивление и даже восхищение тем, как умело противник обустроивает свое жизненное пространство. Большое впечатление производило внутреннее благоустройство позиций австрийцев: «А окопы в них (так в тексте – *А. Р.*) можно было прожить сотни лет чистота первостепенная, за окопами бассейны для купанья и для рыбы, кругом устроены палисадники, да действительно окопы, если б описать, то потребовалось по крайней мере тетрадь страниц в 10 все не опишешь» (с. 249). Поражало русских бойцов и наличие у врага электрического освещения, что будет потом ретранслироваться в воспоминаниях. Даже в советском документальном пропагандистском фильме 1940 г. «Линия Маннергейма» делался упор на то, что у противника «всюду электричество» и подчеркивалась комфортабельность финской линии обороны. Интересно сравнить оценки условий жизни немцев русскими солдатами после занятия Восточной Пруссии («в каждом доме электричество, ванная, мягкая мебель, масса роскошных экипажей» (с. 245)) с мнением советских солдат 1945 г. Например: «В городе Алленштайне мы разместились в доме, брошенном жителями... Поражала чистота, обилие всяческих приспособлений. Кухня блестела кафелем. На каждой банке была надпись, обозначающая хранившийся в ней продукт. Специальные весы служили для дозирования пищи... В добротных шкафах кабинета стояли толстые книги в дорогих переплетах, а за ними, в тайнике, хранились непременно порнографические открытки. Как я узнал, они были во всех порядочных домах. В квартире – несколько ванн. Для каждой персоны свой клозет: для папы, для мамы, а для детей – комнатки поменьше. Горшки покрыты белейшими накрахмаленными кружевными накидочками, на которых затейливой готической вязью вышиты нравоучительные изречения... Нас поражала ухоженность садилов, с непременноми уродливыми гномами на клумбах, благоустроенность вилл и домов, чистота, порядок...» (Никулин, Н. Н. Воспоминания о войне / Н. Н. Никулин. – СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2008. – С. 162, 186).

Асташов приводит примеры в буквальном смысле слова уопомрачающего воздействия артиллерийского огня на солдат («снарядный шок»). Особенно тяжкое впечатление производили «чемоданы» – большие снаряды и «атмосфера большого сражения» (с. 358). В то же время, по мнению Асташова, отечественная авиация «не стала элементом современной войны на Русском фронте», аэропланы (в том числе и свои собственные!) воспринимались более чем негативно (с. 204–205). «Преобладали характеристики аэропланов как почти “бесовских” творений: “Такая пакостная птица, чтобы она издохла; эту птицу, должно, черт выплодил на нашу голову”» (с. 204). Затрагивает автор и проблемы железнодорожного сообщения (с. 103–104), в связи с чем было бы интересно проследить, пригодилось ли в условиях войны обширное теоретическое наследие инженера, генерал-лейтенанта А. А. Вендриха, посвятившего ряд исследований эксплуатации железных дорог в военное время и военным перевозкам.

Химическое оружие, которое противник часто пускал в ход, использовалось русскими «лишь эпизодически», и «военным удалось организовать всего несколько химических атак против немцев на Северном фронте в ноябре 1916 г., имевших незначительный результат» (с. 99–100), солдаты не доверяли противогазам (с. 100, 206 и др.). К тому же «всю войну русская армия воевала без касок» (с. 102), впрочем, последнее утверждение об отсутствии касок в течение *всей* войны выглядит излишне радикальным. Нужно отметить, что, уделяя внимание продовольственному снабжению русских солдат, санитарному обслуживанию, гигиене, быту, межличностным отношениям, пропаганде и пр., автор практически везде обнаруживает негатив, ошибки, слабые места.

Изучая мотивацию борьбы, Асташов признает искренний характер патриотических настроений в войсках при смутном понимании ими причин и целей войны. О помощи «братьям-славянам» трудно было говорить из-за действий Болгарии (с. 132–133), а ссылки священников на «Божью кару» и «Божью волю», как и сами священники, воспринимались неоднозначно (с. 586–587, 648). «Крайне редки среди солдат русской армии мотивы борьбы за веру», – полагает автор (с. 133). «Ритм и темп современной войны явно не оставляли места сохранению набожности, уступая широко распространенным циничным взглядам. В ходе войны совершались богохульные, в сущности, действия, например, сжигание крестов на братских могилах с объяснением: “на войне души беречь не велено”. Подвергались атаке и сами нормы христианской морали, не соответствовавшие, с точки зрения солдат, условиям войны» (с. 586).

Тем не менее русские солдаты сохраняли бодрость духа и не раз демонстрировали храбрость и мужество, и недооценивать здесь значение религиозного фактора нельзя. «Терпение солдата подкреплялось верой. Она или его терпение укрепляла... или эта вера и терпение являлись воздаянием Господу» (с. 139). Невольно вспомнишь пословицу: «Христос терпел и нам велел». В статьях православных священников и консервативных публицистов «Русское Христолюбивое воинство» неоднократно противопоставляется немецким «нехристям» и «язычникам», которые, хотя и смогли освоить технические приемы машинной войны, в отличие от русских, не имеют духовных и морально-нравственных ориентиров, бездушны к чужой беде, жестоки и т.д. Для крестьянской ментальности противник представлялся, как правило, в качестве азиата, и про немцев в начале войны пели: «Вы, германцы-азиаты, из-за вас идем в солдаты» или «Уж вы немцы-азиаты...» (с. 209). Вопрос о роли религиозного фактора в мотивации борьбы русской армии требует специального изучения. Полезно более детально проанализировать, как и почему происходило падение религиозности в армии, каким образом первоначальное бодрое желание войти в Константинополь, Вену, Берлин и Софию (с. 152) затем сменилось усталостью, недовольством, апатией, желанием заключить мир любой ценой. Асташов указывает, что в качестве мотивации борьбы для русского солдата могла выступать трактовка, согласно которой война – проявление «сокровенной правды», а «победа над врагом – божья месть» (с. 128). Но при таком понимании ситуации отсутствие скорой победы тоже можно объяснить божьей волей. Если побеждает враг, а не мы, то значит Бог отвернулся от нас, отдал нас на поругание и разорение неприятелю

и т.д. Конечно, с точки зрения малограмотного крестьянина, ставшего солдатом, и известнейших публицистов В. В. Розанова и М. О. Меньшикова, этот тезис будет выражаться разными словами, но суть остается схожей.

Автор монографии оправданно видит в боевых действиях 1914–1918 гг. войну нового, современного типа, раскрывая ее механический, машинный характер (с. 201–203 и далее). Интересны наблюдения за изменением времени и пространства для крестьянина, ставшего солдатом. На войне размеренность времени, характерная для крестьянского быта и ментальности, исчезала.

Крестьянин не только испытывал страх смерти, но и страшился увечья, неоднократного повторения боли (например, при перевязках раны), наконец, когда он видел массовую гибель и страдания, его пугала потеря смысла войны (с. 329). Ему казалось, что некая злая сила специально желает истребить как можно больше людей, обрекая их на муки: «Так и помрешь не узнаешь, лучше бы сначала разьяснили, потом принимались бы нас мучить» (с. 329). Мысль о том, что «если не убьют, то домой все равно придем не человеком» (с. 225), вызывала неизбежные психологические изменения в отношении к жизни и смерти, вела к очерствению, граничившему с цинизмом. Не случайно во время войны в прессе воюющих стран имели хождение фотографии с изображениями вражеских трупов. В монографии затронуто и изменение отношения к смерти. Смерть стала массовой и для ментальным установкам солдат-крестьян противоречили «похороны, недостойные с их точки зрения, когда в общих могилах хоронили по 500 человек» (с. 322), а «трупы павших гнили у них на глазах несколько дней, являясь добычей птиц. Такого конца и собаке не пожелаешь, писали солдаты в письмах» (там же).

Крайне болезненно воспринимался крестьянами отрыв от малой родины, семьи, привычного ландшафта, пространства, хозяйства. Их постепенное превращение в солдат происходило очень медленно (с. 384–385). При этом крестьянский труд наслаивался на ратный: врага «солдаты кололи штыком снизу, как снопы убирают, а не вперед и с выпадом» (с. 187–191). «Вещный характер» войны сулил надежду на военную добычу – богатые трофеи (с. 192–198). Но из-за близости смерти желание завладеть трофеями теряло смысл, а «вещный» характер войны утрачивался. «На поле битвы всего много набросано и серебра, и белье, хлеб, сухари, консервы, я бы мог вам доставить серебра – нельзя, в письме вытасят, а съестное в рот нейдет, смерти близка» – писали с фронта домой (с. 323).

Война пробудила в образованной среде и мечту о Константинополе, и идею «украинства». Современники настойчиво искали объяснения «смысла войны», помещавшей людей из привычной обстановки в *иную* реальность. Ту реальность, где имели место «обмен между солдатами русской армии и армиями противника хлебом, коньяком, водкой, шоколадом и сигарами» (с. 213) и «военные действия против курдов, когда по приказу корпусного командира закалывали десятки захваченных пленных и даже гражданских лиц и младенцев “в люле”» (с. 210). Гибель детей на войне – тема особая (с. 130). Понятно, что каждая воюющая сторона обращает в пропаганде и контрпропаганде внимание на *свои* жертвы среди мирного населения. Так было не только в Первую мировую. Сегодня немец скорее вспомнит трагедию Дрездена, русский – Сталинград, поляк – Варшаву, серб – Вуковар, англичанин – бомбежки Лондона, а японец – Хиросиму и Нагасаки.

Расчеловечивание и демонизация врага (как и идеализация «своих») – обычный прием военной пропаганды, но неизбежно происходило и обоюдное ожесточение. «Обмокла кровью душа, нет во мне добра к людям», как писал солдат с фронта (с. 332), «перестану походить на человека» (с. 373). Правда, не понятно, на чем основано утверждение автора, будто бы «мародерство, грабежи, насилия, даже зверства солдат русской армии если не превосходили, то не уступали подобным действиям противника» (с. 197). Подобные высказывания надо или подкреплять конкретными фактами, или же избегать их вовсе.

Интересна отмеченная в книге разница во взглядах русских и немцев. Для русских свидетельством «зверств» германской армии служило методичное применение техники, для немцев – рукопашные бои и штыковые атаки русских. Вместе с тем если противник был силен и упорен, то ему порой воздавалось должное (с. 239, 243 и др.).

Немец воспринимался как «злой гений войны». Вот некоторые отзывы о противнике: «немец силен и жесток», «нельзя его выбить», «чортовы немцы умеют драться», «враг очень силен, никак мы не можем его столкнуть, уперся как бык и ничего не сделаешь, сколько ни бьем, ничего не можем сделать», «Герман – тот лютый. Хитер. Сильный. С ним никакого сладу», «ужасно упорный враг», «упрямый чорт как осел», «немец – он силу свою чует, в ем страху мало» (с. 239, 242–243, 245, 252). Отношение же к австрийцам, напротив, было скорее пренебрежительным, как к «несчастеньким существам» (с. 252). Болгары, хотя и признавались упорным противником, презирались «за предательство» русской армии, освободившей их от османского гнета, и не вызывали жалости. «Много было сообщений о зверствах болгар по отношению к мирному населению: угоняли и разоряли румынское население, сжигали их села, сжигали в церквах иконы и другую церковную утварь, насиловали женщин “старого и детского возраста” и даже вырезали у них груди» (с. 254). В монографии верно отмечено совпадение негативного отношения к болгарам с желанием покончить с «внутренними врагами». Те, кто считался «изменником», не могли рассчитывать на снисхождение, в отличие от явных врагов. Нараставшая психологическая усталость от войны лишь усиливала противопоставление фронта и тыла, где «окопались» реальные и мнимые предатели (с. 644–645), «внутренние немцы», спекулянты, перекупщики, шпионы: «Обидно воевать, когда внутри масса измен и произволов» (с. 608). В результате «противник внешний и внутренний полностью уравнились» (с. 248).

Интересно наблюдение о том, что наступательные настроения на фронте начала 1917 г. сопровождало ожидание, будто «весна и лето принесут союзникам победу», что соседствовало «с диссонансом в настроении в тылу» (с. 151). Возникает вопрос, однозначного ответа на который мы не найдем. Даже допуская, что «бодрость» настроений на фронте в начале рокового для самодержавия года диктовалась «стремлением положить конец тяготам войны», можно ли было в полной мере использовать этот подъем, помноженный на опыт, накопленный за годы войны и усиленный имеющимся экономическим потенциалом для сокрушительного удара по противнику, который планировался в 1917 г.? Какая именно «скрепа» не выдержала? По содержанию монографии можно подумать, что «рухнула» армия, историки – сторонники «заговора генералов» – утверждают, что виновата военная верхушка. Третьи винят антимонархическую оппозицию, а четвертые видят проблему в личности и характере Николая II. Или это все же был системный кризис?

Российские и европейские историки неоднократно отмечали, что официальная проповедь германофобии и шпиономании обернулась в итоге против самодержавной власти в самой России, подготовив почву для измышлений об измене в верхах. Возможно, в какой-то степени шпиономания и «охота на ведьм» заложили психологические основы и для последовавших через 20 лет поисков врагов народа, шпионов, диверсантов, вредителей.

Асташов подробно показывает, как война способствовала кризису патриархальной семьи (с. 610–613), росту «хулиганского движения» в деревне (с. 58–59), падению нравов (проституция, насилие на сексуальной почве, рост венерических заболеваний), увеличению случаев психических заболеваний, самоубийств, девиантного поведения. Видимо, следует согласиться с автором, что «психическая болезнь – плата за современное общество» (с. 414), в которое традиционная Россия «встраивалась» через войну и революцию. Получается, что Россия (и не только она) «вошла» в модернизацию через войну, разгул насилия и т.п. Можно ли было осуществить мировую «перезагрузку» иным способом, или горы трупов это некая обязательная плата за прогресс?

Особое внимание автор уделяет дисциплине на Русском фронте. Инициативу отдельных командиров, отдававших приказы по расстрелу сдачиков в плен, уже с октября 1914 г. поддержал в начале 1915 г. Н. Н. Янушкевич. В книге приведены конкретные примеры, свидетельствующие о том, что командованию приходилось применять «расстрелы бегущих и сдающихся в плен» и ставить пулеметы на их пути (с. 459–465). Массовый характер дезертирства заставлял даже думать о создании армии дезертиров в тылу Северного фронта (с. 491–492). Не менее острой была и проблема выявления членовредителей, стремившихся избежать призыва или намеренно получить легкое ранение на фронте. На фоне периодически возникающей дискуссии о необходимости заградительных отрядов и штрафбатов в период Великой Отечественной войны это особенно важно.

На страницах книги мы несколько раз встречаем сравнения отдельных особенностей Первой мировой и Великой Отечественной войн. В период последней присутствует поэтизация орудий (с. 203) и культ «женщины-подруги», ставший одним из «важных элементов патриотического мышления советского солдата, рабочего войны социалистического образца» (с. 640). Автор сравнивает роль казаков в период Первой мировой «с ролью отрядов НКВД в годы Великой Отечественной войны со всеми проявлениями их специфической работы, необходимой для эффективного отправления функций громадного армейского организма» (с. 168). Важна и отмеченная автором особенность Русского фронта Первой мировой войны, где происходило нарастание психогенных реакций, в то время как в Великой Отечественной войне число депрессий постоянно уменьшалось (с. 357).

Анализируя эффективность пропаганды, Асташов констатирует, что тиражи листовок, обращенных к германской армии, были небольшими (летом 1915 г. и вплоть до осени 1916 г. они сократились до нескольких сотен). В России же масса солдат была неграмотной (с. 31). По мнению автора монографии, «важнейшим недостатком печати и пропаганды было отсутствие воспитания ненависти. Русскому солдату, в сущности, лишенному этого чувства, ее пытались привить специально – нагнетанием шпиономании, особен-

но при Начальнике штаба Верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевича» (с. 575). Для воспитания ненависти потребовалось «пройти школу социальной ненависти в процессе борьбы за социальные завоевания. А такой школы в дореволюционной России не существовало. Зато всеобщая ненависть к врагу стала возможной только в годы Великой Отечественной войны. В ее основе был язык, заимствованный из периода борьбы с настоящими или мнимыми “внутренними врагами”» (с. 575). Эти моменты были во многом учтены большевиками во время организации пропаганды и контрпропаганды в период Великой Отечественной. Характерен в этой связи ряд стихотворений Алексея Суркова, призывающих к мести и убийству врага: «Пройдя сквозь строй железных гроз», «Человек склонился над водой», «Никто не посмеет назвать нас убийцами», «Возмездие» и др. Призыв «Убить немца» или симоновское «Если дорог тебе твой дом» в Первую мировую войну едва ли могли прозвучать. Отмечу одно отличие – в российских изданиях периода Первой мировой войны публиковались не только язвительные карикатуры, но и официозные, даже парадные портреты вражеских государственных деятелей и полководцев – Вильгельма II, Гинденбурга и др. Появление официально-парадного портрета И. В. Сталина в нацистской прессе или А. Гитлера – в советской во время Великой Отечественной войны уже было бы нонсенсом.

Важна отмеченная в книге особенность чтения малограмотных солдат, которые, разбив текст по складам вслух и «дойдя до знакомых сюжетов («мир», «земля», «евреи»), просто прекращали чтение и начинали их обсуждать, не связывая эти понятия с главной мыслью автора статьи» (с. 569). Можно предположить, что антипораженческие статьи Н. В. Устрялова или И. А. Ильина (перегружавшего свои тексты выделением слов и предложений курсивом) в 1917 г. были слишком сложны для масс и не могли иметь успеха. В итоге самые фантастические и вздорные слухи оказывались сильнее и эффективней наукообразной пропаганды.

Собранный в монографии Асташова материал демонстрирует «моральный кризис армии», исход которого виделся «в общей смене политического режима» (с. 717). Мучительное рождение «солдата гражданина» не было завершено, когда монархия рухнула. В итоге опыт 1914–1918 гг. (как позитивный, так и негативный) послужил уже иной системе «в главном военном испытании – Великой Отечественной войне» (с. 719).

А. В. Репников

Репников Александр Витальевич

доктор исторических наук, заместитель
начальника Центра документальных
публикаций Российского
государственного архива
социально-политической истории
(Россия, г. Москва, ул. Б. Дмитровка, 15),
профессор Российского университета
театрального искусства
(Россия, г. Москва, Малый Кисловский
переулок, 6)

E-mail: Repnikov@mail.ru

Repnikov Aleksandr Vital'evich

Doctor of historical sciences, vice-director
of the Center of document publications
of the Russian State Archive
of Sociopolitical History
(15 B. Dmitrovka street, Moscow, Russia),
professor, Russian University
of Theatre Arts
(6 Maliy Kislovsky lane, Moscow, Russia)